

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на 5 мѣсяцевъ 8 франк.
» 3 мѣсяца. 5 »
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1-ое АВГУСТА 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Отъ Редакціи. — 2) По поводу прекращения газеты «Земство». — 3) Безспіе самодержавнаго народничества. — 4) Фабричный законъ въ Россіи, П. С. — 5) Безцеремонность г. Каткова и его лжесвидѣтелей, М. Драгоманова. — 6) Корреспонденция «Вольнаго Слова»: а) Изъ еврейской среды, М. — б) Finis Herzegovinas (открытое письмо къ редактору) М. Драгоманова. — в) Национальный праздник во Франціи. — 7) Русскій кулакъ и болгарская свобода, М. Драгоманова. — 8) Итальянская книга о русскихъ революціонерахъ. — 9) Два конгресса социалистовъ (окончаніе). — 10) Извѣстія и замѣтки: убійство въ Петергофѣ; приговоръ надъ подполковникомъ Филипповымъ; въстановленіе распорядка 3 апрѣля 1880 г. о евреяхъ; административная опека надъ фельдмаршаломъ и генералъ-инспекторомъ кавалеріи; новый политическій процессъ; поправка; новая помѣщаца во владѣніяхъ бывшаго короля Ганноверскаго. — 11) Опечатки.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Открыта подписка на «ВОЛЬНОЕ СЛОВО» на ПЯТЬ мѣсяцевъ, съ 1-го августа по 1-ое января 1883 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На ПЯТЬ мѣсяцевъ 8 фр.
» первые ТРИ мѣсяца:
августъ, сентябрь и октябрь . . . 5 »
» послѣдніе ДВА мѣсяца:
ноябрь и декабрь 3 »
» одинъ мѣсяць 2 »

ЖЕНЕВА, 1 августа 1882 г.

Издававшаяся въ Москвѣ подъ редакціей г-на Скалона газета «Земство» прекратила свое существованіе, главнымъ образомъ, по невозможности свободно обсуждать жизненные вопросы самоуправленія и откровенно высказываться о неподѣляемости показныхъ преобразованій, совершенныхъ «народниками» павшаго министерства внутреннихъ дѣлъ, каковы никакое неудовлетворяющія правительственные мѣры по пониженію выкупныхъ платежей, по обязательному выкупу, по учрежденію крестьянскаго поземельнаго банка и по приступу къ упраздненію по-

душной подати. Въ эпоху «народной политики», смѣнившую «новыя вѣянія», заявляетъ редакція, «какъ только земскія собранія дѣлали попытку отвѣтить на предложенные имъ правительствомъ вопросы исполнѣ откровенно, безъ недомолвокъ, на ихъ отзвывы налагалось veto, притомъ, въ формѣ, дотолѣ не употреблявшейся, не установленной закономъ. По указанію свыше, губернаторы, вопреки 9-й, 94-й и 96-й ст. «Полож. о земск. учр.», стали собственною властью признавать заключенія земскихъ собраній «недѣйствительными», не подлежащими дальнѣйшему производству. Такая участь, какъ извѣстно, постигла отзвывы на циркуляръ графа Лорисъ-Меликова губернскихъ собраній Тверскаго, Херсонскаго, Новгородскаго, Смоленскаго и др.» Но чтобы эти неугодные министру внутреннихъ дѣлъ отзвывы не попали въ печать и не дошли бы такимъ образомъ до свѣдѣнія даже другихъ министровъ, статсъ-секретарей и генералъ-адъютантовъ государственнаго совѣта, министръ внутреннихъ дѣлъ приостановилъ дѣйствіе той части закона 13-го іюня 1867 года, которою наказаніе виновныхъ въ напечатаніи отчетовъ о засѣданіяхъ общественныхъ собраній безъ разрѣшенія губернскаго начальства предоставлялось суду и тѣмъ сдерживался до нѣкоторой степени произволъ администрации: 28 мая 1881 года послѣдовало распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати, которымъ безцензурнымъ изданіямъ запрещалось опубликованіе, безъ разрѣшенія губернскаго начальства, постановленій общественныхъ собраній, подъ угрозою приостановки виновныхъ изданій на срокъ до трехъ мѣсяцевъ. По мнѣнію редакціи газеты «Земство», «за невозможностію обжалованія», распоряженіе это «сдѣлалось обязательнымъ, не смотря на то, что имъ фактически отмѣнялся законъ, и установ-

ленная послѣднимъ судебная отвѣтственность замѣнялась административною». Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. «Невозможности» обжаловать такое распоряженіе администрации, которымъ отмѣнялся бы законъ, не существуетъ даже и въ Россійской имперіи: нужно только быть ревнивымъ къ своимъ правамъ и никому не позволять себѣ наступать на погу*). Наше безправное состояніе потому и длится безконечное время, что между общественными дѣятелями весьма мало людей, готовыхъ отстаивать самимъ закономъ дарованныя гарантіи противъ произвола начальствующихъ самодуровъ. Свобода завоевывается шагъ за шагомъ, не уступая ни одной пяди назадъ изъ пройденнаго пространства, и никогда добровольнымъ самозакланіемъ, а стойкостію въ требованіяхъ справедливости и законности.

Помѣщаемъ вслѣдъ за симъ замѣтку о новообъявленномъ законѣ, регулирующемъ работу дѣтей на фабрикахъ въ Россіи. Авторъ ея приходитъ къ заключенію, что во всякомъ случаѣ хорошо, что положено хотя начало столь важному дѣлу,—но онъ же показываетъ всю недостаточность названнаго закона, по сравненію его не только съ теоретическими требованіями справедливости и общаго блага, но даже съ существующими на этотъ счетъ законами въ западной Европѣ.

Эта недостаточность прекрасно обличаетъ всю фальшь той идеи, которая въ послѣднее время пускается въ ходъ не только въ журналахъ московскаго консервативнаго и реакціоннаго направленія, но даже въ нѣкоторыхъ петербургскихъ изданіяхъ радикальнаго направленія, а именно идеи о томъ, что молъ въ Россіи

*) Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, достаточно было бы подать жалобу въ сенатъ, который прямо обязанъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ и отмѣнять неправильныя распоряженія министровъ и главныхъ управленій.

давая живому дѣлу бюрократическ-мертвый и далеко не всегда справедливый характер.

Подробныя указанія относительно обязанностей и порядка дѣйствій инспекторовъ устанавливаются особою инструкціею, утверждаемою министромъ финансовъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Опасаемся, что подобныхъ указаній наберется дѣлѣй томъ, которому было бы лучше получить силу закона, нежели быть результатомъ соображеній одного только министра финансовъ.

Дѣйствіе учреждаемой на основаніи настоящихъ правилъ инспекціи не распространяется (?) на заводы, фабрики и мануфактуры, принадлежащія казнѣ или правительственнымъ установленіямъ. Въ этихъ заведеніяхъ надзоръ за соблюденіемъ постановленій о работѣ и объ ученіи малолѣтнихъ возлагается на тѣхъ должностныхъ лицъ, которымъ ввѣрено управленіе заведеніями и которымъ, прибавимъ, можетъ быть весьма выгодно именно несоблюденіе означенныхъ постановленій.

Но всего лучше—ограниченія только что введенной мѣры въ теченіи двухъ лѣтъ по вступленіи ея въ дѣйствіе: предоставить министру финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ допускать въ случаѣ необходимости къ работамъ на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ такихъ малолѣтнихъ, которые имѣютъ не менѣе 10 лѣтъ отъ роду; разрѣшать малолѣтнимъ, находящимся въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, ночную работу въ тѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ это, по роду производства, оказывается необходимымъ и не можетъ (?) причинить вреда здоровью малолѣтнихъ, съ тѣмъ, однако ограниченіемъ, чтобы ночная работа не продолжалась долѣе 4 часовъ въ сутки; распространять настоящее узаконеніе на тѣ ремесленные заведенія, къ которымъ примѣненіе его признано будетъ возможнымъ и полезнымъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ англійское законодательство гораздо болѣе благоприятствуетъ интересамъ рабочихъ, чѣмъ русское. Прежде всего, правило, что дѣти не должны работать ранѣе 10 лѣтъ отъ роду, не терпитъ въ Англіи никакихъ исключеній; во вторыхъ, относящихся къ ночной работѣ, исключеніе допускается только по отношенію къ подросткамъ мужскаго пола (отъ 14 до 18 лѣтъ) и только въ примѣненіи къ доменнымъ печамъ, желѣзодѣлательнымъ заводамъ, типографіямъ и писче-бумажнымъ фабрикамъ.

Изъ того, кто именно будетъ рѣшать вопросъ относительно необходимости и здоровья вліянія на малолѣтнихъ 12—15 лѣтн. возраста ночной работы, а также вопросъ о степени распространенія дѣйствія новаго закона на ремесленные заведенія,—можно видѣть, что исполнительная сторона означенныхъ мѣропріятій не будетъ отличаться отъ нынѣшней системы господствующаго всюду административнаго произвола, со всѣми его вредными послѣдствіями. Вообще говоря, надежды, возбуждаемыя закономъ, о трудѣ малолѣтнихъ не идутъ дальше того, что уже осуществилось въ Германіи, гдѣ «фабричнымъ инспекторамъ» не предоставляется ни достаточнаго вліянія, ни достаточнаго круга дѣйствій и гдѣ въ фабричные инспекторы избираются люди, о которыхъ извѣстно, что они не сдѣлаютъ ничего худаго работодателямъ. Но хорошо ужъ и то, что положено начало дѣлу, о которомъ еще недавно администрація не хотѣла и слышать.

П. С.

БЕЗЦЕРЕМОННОСТЬ Г. КАТКОВА И ЕГО ЛЖЕСВИДѢТЕЛЕЙ.

Извѣстна и даже въ своемъ родѣ достойна подражанія настойчивость и цѣпкость г. Каткова въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Но менѣе извѣстна вся степень безцеремонности пріемовъ его настойчивости, въ ряду которыхъ широкое мѣсто занимаетъ самая беззастѣнчивая ложь. Особенно усиливаетъ г. Катковъ этотъ пріемъ, когда, подведши мину подъ официальныя сферы, въ кото-

рыхъ ему пужно провести извѣстную мѣру, онъ въ то же время, по большей части благодаря официальнымъ же воздѣйствіямъ благоприятныхъ ему лицъ, — чувствуетъ себя обезпеченнымъ отъ возможности встрѣтить въ русской печати обличенія лжи, какъ его собственной, такъ и имѣющихся у него на такіе случаи «настоящихъ лжесвидѣтелей», своего рода «начальныхъ очевидцевъ» въ бракоразводныхъ процессахъ.

Въ послѣднее время, послѣ новыхъ министерскихъ назначеній, г. Деянова и гр. Дм. Толстого, у г. Каткова вновь загорѣлась надежда провести свою извѣстную университетскую реформу и для этого ему понадобилось очерпнуть, передъ кѣмъ слѣдуетъ, русскіе университеты и приписать всѣ дѣйствительныя и выдуманныя имъ темныя стороны той несчастной доли автономіи, какая дана имъ по уставу 1863 г. Зналъ пріемы дѣйствія г. Каткова, можно было напередъ предсказать, что не совсѣмъ обычная исторія нашей службы въ кievскомъ университетѣ, конечно, по выбору отъ университетской коллегіи, кончившаяся отставкой по т. наз. 3-му пункту, съ восхожденіемъ дѣла «на Высочайшее усмотрѣніе», должна была быть эксплуатируема г. Катковымъ въ его кампаніяхъ противъ университетской автономіи, — и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе г. Катковъ могъ быть увѣренъ, что онъ не встрѣтитъ себя должнаго отвѣта, особенно передъ тою самою публикою, на которую онъ преимущественно рассчитываетъ.

И дѣйствительно, г. Катковъ переворачивалъ эту исторію нѣсколько разъ. Такъ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ особенно налегалъ на университетскій вопросъ, онъ выдумалъ, будто въ кievскомъ университетѣ въ 1875 г. дошло было дѣло до такихъ студенческихъ «исторій», что министерство обязано было уволить двухъ замѣшанныхъ въ нихъ профессоровъ Д. и З. А между тѣмъ никакихъ «исторій» въ университетѣ кievскомъ тогда не было вовсе, — и доцентъ Д., т. е. нижеподписавшійся, былъ уволенъ среди полной тишины и при томъ такъ, что, если бы рассказать это дѣло подробно, то оказалось бы, что причиною этого удаленія не была не только университетская его дѣятельность, но даже и не вѣуниверситетская литературная работа по украинскому вопросу, а просто двѣ замѣтки въ разоблаченіе системы гр. Толстого и г. Каткова и устраиваемаго ими обмана общественнаго мнѣнія въ Россіи и въ Славянщинѣ. Доцентъ же З. вышелъ въ отставку вполне добровольно. Многочисленные учено-литературные труды его показываютъ, сколько потерялъ въ немъ кievскій университетъ, даже если не вспоминать того, что мѣсто его занялъ г. Пихно, извѣстный болѣе какъ редакторъ субсидируемаго «Кіевлянина», нежели какъ ученый.

На дняхъ наша дѣятельность въ кievскомъ университетѣ затронула была въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ статьѣ «Изъ исторіи одного университета», написанной «настоящимъ лжесвидѣтелемъ», который выдаетъ себя за «печальнаго очевидца» нашихъ лекцій. *) Эти лекціи, которыми, по словамъ г.

*) Статьи «Р. В.—ка» и «Моск. Вѣд.» въ цѣломъ

настоящаго лжесвидѣтеля, мы приобрѣли было огромную популярность среди студентовъ, — были «въ научномъ отношеніи невѣжественны и бездарны», по за то мы ими проводили украинофильскую и революционную пропаганду, ухитрились читать, вмѣсто древней исторіи, о бытѣ дикихъ *) и по поводу Ассиріи говорить объ отдѣленіи Малороссіи **)

Мы избѣгаемъ полемики исключительно личной, не ведущей къ уясненію извѣстнаго мнѣнія. Но на этотъ разъ мы не можемъ промолчать, такъ какъ г. Катковъ, — который вовсе не просто помѣстилъ показанія своего лжесвидѣтеля въ своемъ журналѣ и перепечаталъ его съ приличными комментаріями въ своей газетѣ, — прямо и разчитывалъ на наше молчаніе.

Мы не станемъ говорить ни съ г. Катковымъ, ни съ его лжесвидѣтелемъ ни объ академической, ни о политической сторонѣ нашихъ лекцій, изъ содержанія которыхъ не мало напечатано въ публичное сужденіе. Скажемъ только вообще, что, конечно, въ наше время никакой профессоръ политической науки не можетъ не имѣть извѣстныхъ политическихъ идей, какъ выводовъ изъ фактовъ его науки, — но что именно «чистая наука», — которой мы всегда были и есмь поклонникомъ, — сама въ себѣ заключаетъ столько освободительнаго, что она не пужается вовсе въ революціонныхъ фразахъ, чтобы производить свое дѣйствіе. Для характеристики же положенія этой науки въ Россіи мы прибавимъ, что, такъ какъ російскіе порядки пахнутъ стариною чуть не Древняго Востока и такъ какъ въ Россіи не признана свобода научнаго изслѣдованія (даже изъ той, по-видимому, невинной науки, которую мы преподавали, т. е. древней исторіи, цѣлые отдѣлы, напр., вся исторія евреевъ и вся исторія религіознаго развитія, считаются недоступными для литературы) — то въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть профессора филологическаго и юридическаго факультета (не исключая даже и профессора сравнительной лингвистики), читающаго свой предметъ сколько нибудь сообразно положенію науки въ Европѣ, — куда нашего

представляютъ только сводъ того, что уже года четыре поется на страницахъ «Кіевлянина», издаваемаго проф. Пихномъ, при субсидіи отъ правительства. Новаго въ нихъ добавлено, припоровительно къ новымъ экономическимъ вліяніямъ въ извѣстныхъ «сферахъ», только укеры кievскимъ профессорами за «совмѣстительство» службы въ думахъ, банкахъ и т. п., которое, совмѣстительство, поставлено тоже за счетъ университетской автономіи. Между тѣмъ этимъ совмѣстительствомъ отличается въ кievскомъ университетѣ именно катковско-кievлянинская партія, и съ нимъ боролись именно «либеральные» и «украинофильскіе» элементы въ мѣстномъ обществѣ и университетѣ; катковско-кievлянинской, совмѣстительской партіи принадлежатъ и недавнія тенденціозныя забаллотировки профессоромъ истор.-филологическаго факультета (уже по существу своему наименѣе грюндерскаго), научно-литературная дѣятельность которыхъ столь же очевидна, какъ очевидно безплодіе въ этомъ отношеніи катковско-кievлянинской партіи.

*) Удобнѣе предмета для революціонной пропаганды найти мы не ухитрились!

**) т. е. о томъ, о чемъ мы не говоримъ даже въ «Громадѣ»!

брата посылаютъ на казенный или университетскій счетъ доучиваться, — котораго бы нельзя было обвинить въ пропагандѣ противъ установленнаго порядка вещей и официальныхъ доктринъ Россійской имперіи, религиозныхъ, политическихъ и социальныхъ. Для скольконибудь знающаго дѣло на этотъ счетъ и сомнѣнія быть не можетъ! И это мы рекомендуемъ вниманію какъ г. Каткова, — который, впрочемъ, какъ бывший профессоръ, и самъ это долженъ знать, — такъ и тѣхъ государственныхъ людей, которые увлекаются идеею очистить русскіе университеты отъ неблагонамѣренныхъ учений, т. е. задачею, неосуществимою безъ совершенія надъ книгами въ Западной Европѣ операций, предложенной, — «чтобы зло пресѣчь», — полковникомъ Скалозубомъ.

Изъ предметовъ показаній г. катковского жесвида мы остановимся на предметахъ болѣе осязательныхъ, чѣмъ показаніе о научной солидности и революціонной пропагандѣ въ нашихъ лекціяхъ, — на сообщеніи о томъ, будто мы читали, вмѣсто древней исторіи, о бытѣ дикихъ и по поводу Ассиріи говорили объ отдѣленіи Малороссіи. — Наша программа лекцій древней исторіи напечатана была въ 1874 г. въ «Журн. Минист. по Нар. Просвѣщенію» въ статьѣ «Положеніе и задачи древней исторіи». Тамъ г. Катковъ и его жесвидѣтель найдутъ нѣкоторыя указанія на то, какое значеніе имѣетъ изученіе быта т. наз. дикихъ въ культурной исторіи вообще и въ частности — для объясненія культуры народовъ Древняго Востока и классическаго міра (особенно первыхъ его періодовъ, какъ равно и для начала средневѣковой исторіи), — если еще нужно доказывать въ настоящее время подобныя истины тѣмъ, кто беретъ на разсужданіе объ университетскихъ вопросахъ. Сообразно идеямъ, которыя мы изложили въ упомянутой статьѣ нашей — вступительной лекціи, читанной нами публично при началѣ втораго періода нашихъ чтеній въ киевскомъ университетѣ (въ полбрѣ 1873 г.), — нашъ курсъ древней исторіи, рассчитанный на 8 семестровъ, распредѣлялся такъ: одинъ семестръ — обзоръ исторіи историографіи и философіи исторіи, преимущественно древняго міра, одинъ семестръ — исторія первобытной культуры (дикихъ), два семестра исторія Древняго Востока, столько же — Эллады и столько же — Римскаго Государства. Почти по такому плану и выполненъ былъ нами цѣлый курсъ въ 1866—1870 г. въ первый періодъ чтеній нашихъ до заграничной командировки; во второй же періодъ, съ к. 1873 г. по первый семестръ 1875 г. включительно, мы успѣли выполнить только третью нашего курса, — и остановили его по манію свыше, данному безъ вліянія и г. Каткова, — какъ разъ при началѣ чтеній объ Ассиріи!! Разборъ показаній классическихъ писателей, Геродота и Ктеюса, объ Ассирии-Вавилоніи былъ послѣднею нашею лекціей въ Киевскомъ университетѣ при началѣ втораго семестра 1875 г. По истинѣ, надо быть очень мало хитрымъ

человѣкомъ, чтобы вставить въ эту лекцію разговоръ объ отдѣленіи Малороссіи!

Если уже зашла рѣчь о нашемъ курсѣ объ Ассиріи, то мы укажемъ еще на одно обстоятельство. Характеръ лекцій профессора въ значительной степени опредѣляется тѣмъ учебникомъ, какой онъ рекомендуетъ студентамъ для экзамена. Для древняго Востока у насъ былъ такимъ учебникомъ большой курсъ Лепормана (въ прежнихъ изданіяхъ три тома), который мы и начали печатать при киевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ въ переводѣ нашихъ слушателей и съ нашими примѣчаніями. Переводъ этотъ, оконченный однимъ изъ этихъ слушателей уже послѣ нашего отъѣзда за границу, служить и до сихъ поръ единственною книгою на русскомъ языкѣ, въ которой обстоятельно изложены результаты научной работы по этой области въ Западной Европѣ, — и въ этой послѣдней ни одна газета, а тѣмъ болѣе университетская и издаваемая бывшимъ профессоромъ, не позволила бы себѣ дурно говорить о курсѣ, студенческимъ пособіемъ при которомъ былъ бы — учебникъ Лепормана!

Кажется, довольно по вопросу собственно о нашемъ курсѣ въ киевскомъ университетѣ. Но г. Катковъ и его «очевидецъ» говоритъ еще и о другомъ «либеральномъ профессоре» этого университета, тоже добивавшемся популярности студентовъ, но тоже принужденномъ «оставить университетъ» и теперь «подвизающемся въ петербургской журналистикѣ». Интересно было бы прочесть подробную исторію и этого профессора, его двукратнаго появленія и двукратнаго оставленія киевскаго университета, — изъ какой исторіи ясно бы вытекло заключеніе, совершенно противоположное тому, какое хочетъ провести г. Катковъ, — заключеніе, дѣлающее честь и автономному совѣту киевскаго университета, — пока онъ еще не былъ деморализированъ толстовско-катковскими вліяніями, — а также и студентамъ, которыхъ г. Катковъ и его очевидецъ представляютъ себѣ такими ужъ баранами, которые сдуру награждаютъ популярностью бездарныхъ и невежественныхъ шарлатановъ. Но мы не станемъ пускаться въ подробности, а напомнимъ только о томъ, что этотъ профессоръ былъ избранъ совѣтомъ к. у. — та въ довершенье, при благоприятныхъ къ нему отношеніяхъ г. Делянова, тогда товарища министра нар. просвѣщенія и кн. Ширинскаго-Шихматова, киевскаго попечителя, желавшаго устраненія изъ киевскаго университета преподавателей съ мѣстнымъ духомъ. Пріѣхавши въ Кіевъ, этотъ доцентъ въ присутствіи попечителя прочелъ вступительную лекцію, исполненную самыхъ чистопростныхъ катковско-аксаковскихъ идей, которыя онъ выдавалъ за «эллинно-византійско-славянскія» и которыя были совершенно не катанъ въ курсѣ объ исторіи западно-европейскихъ народовъ. Мѣсяцевъ черезъ 8 — этотъ доцентъ баллотировался въ экстраординарнаго профессора, — но получилъ 22 черныхъ противъ 9 бѣлыхъ шаровъ, — и подалъ въ отставку. Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ забаллотированный доцентъ явился въ Кіевъ, назначенный гр. Толстымъ при-

мъ въ ординарные профессора, и въ скоромъ времени на одномъ публичномъ диспутѣ провозгласилъ какъ научную истину, что въ польской націи нѣтъ вовсе понятія о чести. Но немного спустя, между ними и студентами произошла та исторія, на которую намекаетъ «Р. Вѣстникъ» и «Моск. Вѣдомости», возникшая изъ за слуха, что будто начальство слѣдитъ за лекціями этого профессора, какъ за, будто бы, слишкомъ либеральными. Поднялось, какъ говорятъ «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости», «студентское слѣдствіе», — и профессоръ оставилъ университетъ (прибавимъ: безъ шума, послѣ ваканціи) — и теперь дѣйствительно «подвизается въ петербургской журналистикѣ», — въ лагерѣ, теперь противномъ г. Каткову.

За это послѣднее ему и достается теперь отъ г. Каткова. Онъ теперь записанъ въ шарлатаны, добивавшіеся «буржуазнымъ либерализмомъ» студенческой популярности. Но не такъ честился у г. Каткова этотъ профессоръ прежде, когда онъ былъ названъ гр. Толстымъ киевскому университету, вопреки совѣту послѣдняго, и когда онъ служилъ цѣлямъ г. Каткова подобно тому, какъ служилъ имъ теперь авторъ статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ» или же, напр., изъ киевскихъ профессоровъ г. Пихно, редакторъ «Кіевлянина». Тогда этотъ профессоръ былъ «однимъ изъ достойнѣйшихъ, европейски извѣстныхъ ученыхъ, которыхъ-де систематически забаллотировываетъ киевская университетская палата лордовъ»; — тогда г. Катковъ печаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» его статьи съ именуваніями на другихъ профессоровъ киевскаго университета, въ томъ числѣ и на нижеподписавшагося... А теперь этого бывшаго своего подручника г. Катковъ впридачу въ одну колесницу съ этимъ послѣднимъ...

И вотъ, такими то приѣмами г. Катковъ всегда проводилъ свои планы благотворительнаго положенія, которое занимаетъ теперь въ извѣстныхъ сферахъ! Лично г. Каткову идти дальше уже некуда; онъ стоитъ уже передъ началомъ осуществленія второй послышки украинской поговорки: «бреж не жу свѣтъ проїдеш, та назадъ не вернешься!» Посмотримъ, куда то онъ заведетъ тѣ сферы, которыя ему доверились.

М. Драгомановъ.

Р. С. Расписавшись, г. Катковъ, вѣдѣ за своимъ жесвидѣтелемъ, пришелъ помету то къ университетскому вопросу и вопросы національные, которые были на снѣтъ (и въ частности въ Кіевѣ) и до университетовъ и будутъ существовать при всякомъ университетскомъ уставѣ. Написавъ, что ему издумалось, о полякахъ и украинифилахъ, г. Катковъ оканчиваетъ свою статью выпискою изъ показаній жесвидѣтеля: «Мнѣ всѣхъ національностями и болѣе другихъ протестующими оказались студенты Великороссіи. Въ ожиданіи всеобщихъ благъ отъ осуществленія своихъ идеаловъ, они всеобща добродушно уступали свое отечество полякамъ и украинифиламъ»... — Послушай, при-

да знай же мѣру! Кто же когда изъявлять претензію на отечество великороссовъ?!

ИЗЪ ЕВРЕЙСКОЙ СРЕДЫ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова»)

Сообщенные мною въ предыдущихъ письмахъ *) факты относятся болѣею частью къ настоящему, страшно-тяжкому для евреевъ времени. И хотя такіе люди, какъ описанный мной М., и не зарождаются при дребезгѣ разбиваемыхъ стеколъ, грохотѣ обрушивающихся крышъ, стопахъ опозоренныхъ женщинъ, убиваемыхъ мужчинъ, — но все таки читатель можетъ усомниться въ томъ, нашелъ ли бы этотъ честный мечтатель приверженцевъ и адептовъ для своихъ идей во всякое другое время, т. е. оказалась ли бы способной еврейская масса въ воспріятію такихъ идей во всякое другое время. Поэтому, оставляя на время самоновѣйшую эпоху еврейской жизни, передамъ нѣсколько фактовъ изъ той эпохи, когда за евреями еще не охотились на улицахъ, среди бѣлаго дня (несвяная же охота никогда не прекращалась). Факты эти, думаю, не лишены будутъ интереса тѣмъ болѣе, что они взяты изъ жизни самой ортодоксальной еврейской среды.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я очутился въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ А., Херс. губерніи, гдѣ состоялъ ученикомъ тамошней гимназіи. Тутъ то я спова столкнулся близко съ той еврейской массой, отъ которой былъ оторванъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Обстановка, нравы, съ которыми связано было мое дѣтство, предстали предо мною въ живою формѣ и привлекли мое вниманіе. Я сталъ сближаться съ еврейской средой, на которую теперь уже могъ смотрѣть критически, и нашелъ въ ней массу такихъ симпатичныхъ чертъ, о которыхъ я или совсѣмъ забылъ или о которыхъ не зналъ вовсе. Желая еще ближе познакомиться съ еврейскою массою, я во время лѣтнихъ каникулъ часто совершалъ путешествія въ ближайшіе городки, густо населенные евреями, болѣею частью ярымъ «ортодоксами». Однажды очутился я въ маленькомъ, тоже уѣздномъ городкѣ Б. Подольской губерніи, который находится верстахъ въ пятидесяти отъ сдѣлавшейся въ послѣдніе дни всемірно знаменитой Балты.

Очутился я тамъ подѣ субботу, которую и рѣшилъ тамъ провести. Такъ какъ я говорилъ съ евреями на нашемъ «жаргонѣ» (до чего рѣдко снисходитъ еврей, получившій хоть на три гроша образованія), то я на другой день имѣлъ уже болѣе половинныя города знакомыхъ. И всѣ смотрѣли съ удивленіемъ на это чудовище въ блузѣ, съ бритой бородой, расхаживающее съ «нейсатыми» евреями и разговаривающее на «простомъ еврейскомъ языкѣ». Разъ сидѣлъ я на бульварѣ въ субботу, послѣ обѣда съ нѣсколькими новыми знакомцами. Мимо насъ прошелъ молодой человѣкъ, которому на видъ было лѣтъ сорока. Его задумчивый, углубленный видъ, всяма симпатичная наружность обратили на него все мое вниманіе. На мой вопросъ, — кто этотъ юноша, — мнѣ отвѣтили, что это зять одного очень уважаемаго и богатаго еврея, что онъ (юноша) самый лучший знатокъ Тал-

муда въ этомъ городѣ и что онъ, кромѣ того, отличается своей великою набожностью и прилежаніемъ въ изученіи теологической литературы, за которой проводитъ дни и ночи. Понятно, что мнѣ крайне захотѣлось поговорить съ этимъ юношей. Такъ какъ мнѣ сказали, что онъ неохотно подойдетъ или даже совсѣмъ не подойдетъ, если его подзывать, то я рѣшился подойти къ нему самъ. Чтобы найтти предлогъ, я попросилъ его, чтобы онъ мнѣ объяснилъ одно трудное мѣсто изъ библіи. Изъ его отвѣта, даннаго какъ то неохотно, но крайне серьезно, я увидѣлъ сразу, что имѣю дѣло съ ученымъ по своей специальности и съ человѣкомъ совершенно не отъ міра сего. Невмѣрныя успій стоило мнѣ волевать его въ разговоръ. Но наконецъ онъ такъ немного разговаривалъ. Когда я ему предложилъ сѣсть со мной въ уединенной аллеѣ, онъ съ какимъ то страхомъ посмотрѣлъ на меня, словно опасаясь, чтобы я не осквернилъ его. Нерѣшительно пошелъ онъ за мною. Мы сѣли и начали бесѣдовать. Говорили болѣе о религиозныхъ вопросахъ. Болѣе говорилъ я, указывая на ложное приписаніе Моисеевыхъ законовъ. «А вы развѣ вѣрите въ Моисея?» — спросилъ онъ меня робко, словно молодая дѣвушка, которая стыдливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ лукаво добивается извѣстнаго признанія. — «Я его считаю величайшимъ изъ всѣхъ людей, какихъ когда либо производилъ міръ», отвѣтилъ я горячо.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ величайшимъ удивленіемъ и даже недовѣрчиво. Ортодоксальный еврей привыкъ, что мнѣиціи себя образованнымъ евреямъ нахально и глупо сквернословить и ругаться надъ всѣмъ, что свято для еврейской массы.

«И въ библію вѣрите?» спросилъ онъ съ той же робостью.

— И библію считаю величайшею книгою книгъ, отвѣтилъ я такъ же горячо.

— «Въ такомъ случаѣ вы такой же еврей, какъ и мы всѣ», прибавилъ мой собесѣдникъ тихо *). Послѣ этого объясненія, онъ уже сталъ довѣрчивѣе ко мнѣ относиться. Мы бесѣдовали часа два. При этомъ онъ меня все разспрашивалъ, въ чемъ состоитъ «наши науки», для чего все это надо знать и т. д. Я ему, по мѣрѣ возможности, сталъ объяснять. Особенно же его поразило, когда я ему сказалъ, что всѣ лучшіе изъ учащихся и ученыхъ стремятся къ тому, чтобы простому бѣдному люду жилось лучше. Разстались мы съ нимъ часовъ въ 5 послѣ обѣда. Когда я часовъ въ 9 вечера выглянулъ изъ окна моей квартиры, я увидѣлъ Д. (такъ звали юношу) расхаживающимъ туда и сюда передъ нашимъ домомъ. Я вышелъ, и онъ сейчасъ подошелъ ко мнѣ съ привѣтливой, дружеской улыбкой. Я его позвалъ къ себѣ. У хозяина моей квартиры собралось человѣкъ двадцать

*) На этомъ примѣрѣ видна наглядно вся фальшь т. наз. народничества, еврейскаго, какъ и всякаго другаго. Можно ли, не отказываясь отъ принциповъ современной науки, сказать, что библія — величайшая книга, а Моисей — величайшій человѣкъ, когда еще вопросъ, былъ ли когда либо человѣкъ Моисей, законодатель Израиля, и когда, во всякомъ случаѣ, по библіи трудно возстановить его, какъ человѣка, т. е., какъ индивидуумъ? Какъ нѣчто же идеально — коллективное, Моисей-израильянинъ, чѣмъ же выше Зороастра-бактрійца или особенно Будды-индійца? Ред.

евреевъ, чтобы «проводить вмѣстѣ субботу» *).

Былъ приглашенъ и я съ моимъ новымъ другомъ. Признаюсь, что ни на одной студенческой вечеринкѣ вносилъ дѣйствіи я не проводилъ такъ пріятно время. Въ русскомъ обществѣ принято думать, что всѣ разговоры, между евреями ведутся только о деньгахъ. Это совершенно невѣрно. О деньгахъ меньше всего говорятъ, особенно ортодоксальные евреи и особенно въ субботу, когда они знаютъ не хотятъ никакихъ дѣловыхъ разговоровъ. Случается, что жена или сынъ проговорится и заведетъ разговоръ о какомъ нибудь товарѣ и т. п., — хозяинъ непремѣнно строго остановитъ словами: «Сегодня святая суббота, а потому перестанемъ говорить объ этомъ». Ведутся же разговоры или о цадикахъ, или же о разныхъ спорныхъ пунктахъ въ библіи и талмудѣ. И въ этотъ вечеръ велись именно такіе бесѣды. Д., понятно, всѣхъ превосходилъ въ ученыхъ спорахъ. Я тоже вставлялъ свои замѣчанія, что очень подкупало въ мою пользу моихъ собесѣдниковъ, такъ что, когда мы разставались, почти всѣ говорили мнѣ: «Ахъ, кабы, учась, всѣ остались такими евреями, какъ вы. А то вотъ у насъ есть тутъ одинъ еврейскій гимназистикъ, — такъ онъ надъ нами издѣвается, какъ и всѣ русскіе, называетъ насъ жидами и т. д. Какъ же мы послѣ этого можемъ отдавать въ ваши школы нашихъ дѣтей, чтобы потомъ имѣть въ нихъ своихъ враговъ?» — Къ сожалѣнію, это одна горькая истинна. Разстались мы въ часъ ночи. Д. еще посидѣлъ у меня съ часъ. На другой день рано утромъ я уѣзжалъ. Когда я вышелъ изъ квартиры, чтобы сѣсть въ телѣгу, я увидѣлъ ожидающаго Д., что, конечно, меня очень тронуло. Но, наконецъ, я уѣхалъ. По дорогѣ я остановился въ лѣсу, гдѣ простоялъ часа четыре. Въѣзжалъ въ Балту, я нашелъ телѣгу, на которой, къ величайшему моему удивленію, увидѣлъ Д. Онъ смутился немного и пробормоталъ какъ то нерѣшительно, что ѣдетъ по дѣлу. Мы оба сошли съ телѣги и вступили въ горячую, дружескую бесѣду, которая продолжалась часа два. На прощанье Д. разспросилъ подробно мой адресъ. Мы, наконецъ, разстались, разстались пламенными друзьями. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Снужу я однажды на порогѣ своей квартиры въ А. и читаю. Услышавъ приближающіеся, торопливые шаги, я поднялъ голову и остолбенѣлъ: передъ мною стоялъ Д. Какъ, какими судьбами!?

— «Учиться хочу», — былъ короткій отвѣтъ. И онъ принялся учиться. И учился онъ такъ, что всѣхъ поражалъ своими способностями и прилежаніемъ. Такъ, напр., въ двѣ недѣли онъ выучилъ греческую этимологию и зналъ ее отлично. Д. было 22 года. Онъ былъ уже 4 года женатъ и имѣлъ двоихъ дѣтей.

Семейное положеніе у него было прекрасное; жену любилъ онъ страстно, хотя и женился, какъ водится въ его средѣ, едва видѣвъ ее развѣ, и точно также былъ любимъ ею. Въ матеріальномъ отношеніи онъ тоже былъ обеспеченъ, такъ какъ имѣлъ нѣсколько сотъ

*) Кромѣ трехъ субботнихъ трапезъ, освященныхъ обычаями, очень религиозные евреи прибавляютъ еще четвертую «мелове-малку» (проводитъ царщи, т. е. субботы).

*) См. «Вольное Слово» №№ 37 и 38.